

У. ЛЕМАН

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

П. Н. Берков неоднократно указывал на необходимость комплексного исследования литературы европейского Просвещения. Он внимательно следил за работами литературоведов ГДР и относился с особым интересом к изучению ими проблем русского просвещения.¹

Благодаря усилиям многих ученых в современной литературной науке утвердилось представление о литературе этой эпохи как о явлении большого национально-исторического значения, явлении, которое продвинуло далеко вперед дело формирования реалистической эстетики. К числу таких ученых принадлежал П. Н. Берков. Вклад в изучение просветительской литературы внесли и его советские коллеги, а также исследовательские коллективы ГДР.²

Не подлежит сомнению, что русская литература XVIII века составляет существенную часть общеевропейского Просвещения. Однако при определении роли и характера русской литературы этого периода возникают разные точки зрения.

Для успешного решения проблем русской просветительской литературы следовало бы, по предложению П. Н. Беркова, отказаться наконец от бесплодных споров об «измах». Вместо этого необходимо сосредоточить силы на выявлении характерных признаков литературы эпохи Просвещения.³ Это ни в коем случае не означает призыва к ликвидации существующей научной термино-

¹ См., например: Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л., 1964, с. 243—244.

² См. издававшиеся под редакцией П. Н. Беркова и его коллег сборники «XVIII век», а также книги: Проблемы Просвещения в мировой литературе. М., 1970; Русская литература и фольклор. (XI—XVIII вв.). Л., 1970. См. по этому вопросу также материалы в журнале «Weimarer Beiträge», 1970, II, 9, 10.

³ См.: Берков П. Н. [Ответ на анкету «Советская литературная наука и классическое наследие»]. — Вопросы литературы, 1967, № 9, с. 4—8.

логии. П. Н. Берков указал лишь на то, что литературу должно рассматривать как систему.

Опираясь на мысль К. Маркса, который установил факт участия духовного производства и обмена в общем процессе общественного производства и воспроизводства, В. И. Ленин четко определил разницу между литературой буржуазной и литературой социалистической.⁴ Тем самым В. И. Ленин развил идею К. Маркса, и это помогло затем исследователям увидеть в истории литературы процесс возникновения и смены литературных систем, зависящий от общих социальных процессов. Литературоведение располагает ныне фактами, свидетельствующими о том, что и в средние века, и в эпохи Возрождения, Просвещения и т. д., так же как и в настоящее время, задачи, которые ставили и ставят перед собой писатели, всегда определяются конкретными общественными условиями. С этой точки зрения можно и для периода абсолютизма, кризиса и разложения феодального строя определить особенности литературной системы.

Исходя из марксистского тезиса о том, что господствующий класс не относится безразлично к идеям, которые распространены в обществе, в том числе и к эстетическим идеям,⁵ можно заключить, что именно в эпохи коренных изменений общественного строя литература должна играть большую социальную роль. Просвещение подтвердило истинность наблюдения, что при определенных обстоятельствах слово становится материальной силой.

Процессы, происходившие в русской литературе XVIII в., могут, следовательно, рассматриваться как разные этапы борьбы между позднефеодальными и новыми, буржуазными тенденциями литературного развития. Для русского просвещения так же характерна острота литературных столкновений, как и для западноевропейской духовной жизни последней трети XVIII в.⁶ Литература уже тогда в какой-то степени становится общественной трибуной, с помощью которой антифеодальные идеи находят путь к читательским кругам.

Остановимся на некоторых вопросах общественной функции русской литературы.

Начиная с XVII столетия русская литература все отчетливее обнаруживает стремление к универсальному познанию природы и человека. Эти тенденции привели к формированию принципов раннего Просвещения,⁷ чему способствовали также, с одной стороны, заимствованный художественный опыт античности, с другой — успех естественных наук, утвердивших представление о «земном» человеке и его «земных» интересах. Во времена Кап-

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1960, с. 99—105.

⁵ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3. М., 1955, с. 45—47.

⁶ Ср.: Тураев С. В. Спорные вопросы литературы Просвещения. — В кн.: Проблемы Просвещения в мировой литературе. М., 1970, с. 15—17.

⁷ Ср.: Макогоненко Г. П. Русский реализм на его начальной стадии. — Там же, с. 195.

темира и Прокоповича общественная функция литературы определялась такими задачами, как укрепление экономического положения русского государства и освобождение человека от полного подчинения церкви. Из объекта истории человек мало-помалу превращался в ее субъект — и это отразилось как в философских концепциях, так и в искусстве.

Если в эпоху Петра I и ближайшее за ней время перед литературой стояли преимущественно задачи воспитания гражданского сознания и преданности интересам государства, то в последнем тридцатилетии XVIII в. она стремится выйти за пределы духовной жизни узкого круга феодальной элиты. При всей ценности вклада, внесенного ими в литературу, Кантемир, Тредиаковский и другие поэты первых десятилетий века стояли только в начале пути. Понадобились длительные и самоотверженные усилия прогрессивных писателей, публицистов, издателей журналов, для того чтобы русская литература конца века смогла стать более демократичной.

Национально-патриотические, описательные, развлекательные и т. п. тенденции произведений русской литературы, попадавших в руки читателей второй половины XVIII в., встречали с их стороны полное понимание. Литературный процесс оказывался двусторонним: авторы будили сознание читателей, а те в свою очередь оказывали своими запросами стимулирующее воздействие на литературный процесс.⁸ Русское общество находило в литературе свое отражение — и нередко отражение очень верное. Этим можно объяснить любопытные факты позднейших перепечаток и переизданий литературной продукции 1730—1750-х годов. Читатель последних десятилетий века уже настолько хорошо овладел культурой чтения, что ощутил потребность выйти за пределы современной ему литературы и вернуться к сочинениям, которые уже ушли в историю и должны были представляться ему частью духовного наследия прежних времен и тем самым были призваны помочь ему подойти к современности с исторической меркой. Литературные произведения этого рода — независимо от того, были ли они оригинальными или переводными, — оказывали на читателей такое воздействие, какое, собственно, и является целью работы любого писателя: человек на время как бы высвобождался из окружающей его повседневности, и под влиянием чтения, постепенно, изменялось его мировосприятие.

История взаимосвязей национальных литератур, которой много занимался П. Н. Берков, может рассматриваться, таким образом, в следующем аспекте: всякое произведение русской литературы XVIII в., попадавшее за рубеж в переводах и переложениях и получавшее отклик в критике других стран, становилось действенным фактором общеевропейского просветительского движе-

⁸ См.: Naumann M. Literatur und Leser. — Weimarer Beiträge, 1970, Н. 5, S. 92 ff.

ния. Если согласиться с Гердером, считавшим действительность сущностью литературы, то с этой точки зрения следует очень высоко оценить русскую литературу последней трети XVIII в. Как справедливо заметил Г. П. Макогоненко, иностранных переводчиков русских произведений зачастую привлекали не те сочинения, в которых были наиболее полно выражены признаки той или иной эстетической системы, а те, которые отличались конкретным изображением человеческих характеров и, следовательно, обладали большой силой воздействия на читателей.⁹ Случаи, когда именно по этим причинам переводились произведения незначительные и второстепенные, на взгляд сегодняшнего теоретика, только лишней раз доказывают, что проблема диалектики традиций и новаторства все еще требует дальнейшей разработки.

Кризис, разложение литературной системы, характерной для позднефеодального общества, могут быть объяснены не только как следствие изменения социальных функций литературы, но и как кризис самой ее структуры. Можно было бы ограничиться констатацией примечательного самого по себе факта, что в литературу проникает идеология демократических слоев общества.¹⁰ Однако накопление качественных изменений в искусстве всегда приводит к определенным изменениям его форм. Проблемы жанров и литературного языка приобретают в конце XVIII в., как известно, особое значение.

Функциональные особенности русской литературы начиная с 1760-х годов состояли в следующем: в ней появились признаки осмысления диалектики национального и социального начал, государственного и гражданского сознания, патриотизма и борьбы за общественную справедливость и т. д., а также появилось совершенно иное, чем раньше, представление о личности и ее связи с обществом, что нашло отражение в басне, идиллии, сатире, «слезной драме». В области философии, права, экономики, эстетики происходили аналогичные изменения.

Писатели все больше интересуются народной жизнью. Литература приобретает более демократический характер и становится трибуной, с которой обсуждаются вопросы, волнующие все русское общество. Журналы, театр, а также бесчисленные, чаще рукописные, памфлеты, пародные стихи, песни и т. п. показывают, какого разнообразия форм при их функциональном единстве достигла русская словесность конца XVIII в.

Поэт, выполняющий роль своего рода посредника в системе литературных коммуникаций, начинает осознавать личную ответственность перед обществом: ведь он владеет оружием, которое может быть эффективно использовано в общественной

⁹ См.: Макогоненко Г. П. Русский реализм на его начальной стадии, с. 195.

¹⁰ Это явление исследовано в кн.: Штранге М. М. Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965.

борьбе.¹¹ Нередки примеры, когда автор ставит перед читателями вопрос о своем долге по отношению к ним, о своем вкладе в борьбу против господствующего класса. Эта борьба осознается им как обязательное условие прогресса человечества, и свою миссию он рассматривает именно в этом общечеловеческом аспекте.

Автор предполагал в читателе сложную духовную жизнь и высокую требовательность к литературному произведению, от которого читатель был вправе ожидать раскрытия новых сторон жизни природы и общества и объяснения своих связей с окружающим миром. Русский читатель XVIII в. (кстати сказать, привлекающий до сих пор слишком мало внимания исследователей) хотел увидеть в литературе самого себя, чтобы осмыслить свое прошлое и облегчить себе выбор будущих решений.

Без обратного влияния читателя на автора невозможно существование какой-либо системы литературных коммуникаций. Всякий автор нуждается в читательском понимании, и читатель XVIII в., безусловно, понимал сочинения своих современников. Воспитанный литературой от Кантемира до Крылова, от Тредиаковского до Карамзина, русский читатель относился к книге особым образом, с уверенностью отгадывая смысл намеков и недомолвок, появившихся в ней по цензурным и иным причинам.

Понятие системы (структуры), которое было использовано К. Марксом в «Предисловии» к «Критике политической экономии», должно включать в себя и сферу потребления. Литература в принципе представляет собой такую же систему соответствующих друг другу форм производства и потребления, связанных определенными формами обращения, распределения. Системе литературы отвечает в каждую историческую эпоху определенная система литературного «производства», литературного «распределения» и «потребления». Специфический способ «потребления продукта» путем чтения можно было бы обозначить как систему чтения, присущую той или иной эпохе. Такие системы чтения почти не изучены, и в наши дни изучить, например, систему чтения XVIII в. действительно нелегко, поскольку это можно сделать лишь косвенным путем, через изучение бытования литературы. Однако в этом направлении сделано уже многое — и в частности благодаря усилиям ленинградских литературоведов, и особенно П. Н. Беркова. Используя его наследие, мы стремимся к ясности теоретических представлений о развитии русской литературы.

(Перевод Р. Ю. Данилевского)

¹¹ См.: Dudek G. Die Herausbildung der typologischen Grundformen des gesellschaftlichen Dichterbildes in der russischen Literatur des 18. Jh's. — In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des XVIII. Jh's., Bd. III, Berlin, S. 179 ffg.